

Максим Горький

Вечер у Панашкина

Максим Горький
Вечер у Панашкина

«Public Domain»

1916

Горький М.

Вечер у Панашкина / М. Горький — «Public Domain», 1916

«Насытись вкусной духовной пищей у Шамова, – в воскресенье, вечером, я иду к Панашкину; у него тоже поучительно. Панашкин торгует на балчуге старой рухлядью – обломками, обносками. Ему за пятьдесят лет, он болен чахоткой. Руки у него беспокойные, длинные, ноги – тонкие, шея искривлена, и на ней тревожно болтается маленькая головка с рыжими бровями ужа. Он похож на выдернутый из земли сухой корень. Сморщенная кожа его щек поросла кустиками волос мочального цвета. Фигура очень унылая, а глаза – веселые, точно Панашкин всегда видит пред собой что-то неожиданно приятное и внутренне восклицает: “Вот так штука!” Очень любит смеяться тихим, слезно всхлипывающим смехом и, так как жизнь не удалась ему, любит философствовать...»

Максим Горький

Вечер у Панашкина

Насытись вкусной духовной пищей у Шамова, – в воскресенье, вечером, я иду к Панашкину; у него тоже поучительно.

Панашкин торгует на балчуге старой рухлядью – обломками, обносками. Ему за пятьдесят лет, он болен чахоткой. Руки у него беспокойные, длинные, ноги – тонкие, шея искривлена, и на ней тревожно болтается маленькая головка с рыжими бровями ужа. Он похож на выдернутый из земли сухой корень. Сморщенная кожа его щек поросла кустиками волос мочального цвета. Фигура очень унылая, а глаза – веселые, точно Панашкин всегда видит пред собой что-то неожиданно приятное и внутренне восклицает:

«Вот так штука!»

Очень любит смеяться тихим, слезно всхлипывающим смехом и, так как жизнь не удалась ему, любит философствовать.

– Всякий человек, каков он ни есть, должен есть, – вот те и вся премудрость! Значится: разумеете языцы и покоряйтесь! – говорит он. – В этом – и математика...

– Один умный человек сказал: «Любовь и голод правят миром», – вспоминаю я.

– Это – Дюма, что ли?

Дюма-отец – для Панашкина величайший ум. Дмитрий Павлович прочитал все его романы по два и по три раза. А когда я уговорил его прочитать «Записки охотника», – он возвратил мне книгу, недоуменно посмеиваясь и говоря:

– Чего тебе тут нравится? Это, брат, неинтересно, как настоящая жизнь...

Настоящая жизнь обращалась с ним капризно и неласково: двенадцати лет, после смерти отца, пьяного чиновника казенной палаты, Панашкин поступил мальчиком к нотариусу, через два года перешел в табачный магазин, потом стал парикмахером, двадцати лет решил уйти в монахи, года три шлялся по монастырям, наконец свел из одного монастыря послушницу и воротился с нею на родину. Захлебываясь плачевным смехом, бессильно взмахивая локтями, точно недорезанный петух, он рассказывал:

– Пять лет жил я с нею незаконным браком, но – в сияющей любви. Это был даже не человек, а – хрусталь необыкновенной прозрачности. Умирала – взяла меня за руку, – шепчет: «Митя, добрый друг, спасибо же тебе, завяла бы я без твоей любви, как без солнца цветок». Это она, видите ли, потому, что была старше меня на двенадцать лет, да и миловидностью не отличалась, – ряба, курноса и... вообще... Однако душа у нее была – воистину – цветок! Замечательная душа! А красота – не для всех закон. Всякая женщина любви достойна; женщина, брат, самое лучшее божье сочинение...

Когда он говорил о жене, о женщинах, о любви, – его веселые глаза становились грустно-серьезны, а веки краснели, набухая. Раза два-три он даже бесстыдно плакал, вспоминая жену; говорит, а из глаз бегут одна за другой мелкие, желтоватые слезы.

Жена оставила ему дочь, и с той поры Панашкин, по его словам, бегал вдоль и поперек жизни туда-сюда.

– Всё, брат, искал случая приспособиться к делу, чтобы воспитать дочонку, однако – случая не нашел...

Рассказывал он мне свою жизнь июльской ночью, в лесу, на поляне, под одинокой сосной, – я шел с ним на богомолье, отдыха ради. Он сидел, прислонясь спиной к медному стволу сосны, раздвинув длинные ноги, точно ножницы; перед ним на маленьком костре закипала вода в походном чайнике. Было душно, собиралась гроза. Меня, в ту пору, очень интересовали кроткие, много и бесполезно думающие русские люди, – нравилось мне, что они не в ладу с жизнью.

– Человек я мягкий, – ну, меня и протирали сквозь сито, – сказывал Панашкин, посмеиваясь. – Сдал экзамен на сельского учителя, – оказался неспособен к делу: играть с детишками могу, а учить – не умею! Нанялся к татарину яйца скупать по деревням, татарин меня в Швецию отправил для расширения дела; приехал я в Петербург, а в гостинице, где мне случилось остановиться, офицер со штатским поспорил, начал стрелять из пистолета да и закатил мне пульку в бок. Пролежал я в больнице полтора месяца, а у раненого у меня татариновы-то деньги и вытащили! Воротился к своему месту – хватъ, – ан татарин в одночасье помер! Я – к наследникам: так и так, говорю, пропали ваши деньги. А они – хороший народ! – ничего, говорят, не беда! Замечательно! Поступил в окружный суд регистратором, – у меня документ важный украли. Незадача! Из суда – под суд... Оправдали, но прокурор сказал мне: «Вы – ротозей!» Есть это у меня и по сей день: вдруг задумаюсь неизвестно о чем, и никаких возгласов не слышу, ничего не понимаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.